

Ностальгия по непрожитому: привлекательность мифа о советском прошлом для поколения Z

В статье рассматривается феномен ностальгии по советскому прошлому среди россиян: как тех, кто советское прошлое застал, так и тех, кто родился после распада СССР – особое внимание уделяется поколению Z. Автор сравнивает ценности советского человека и представителя «цифрового поколения» и подробно рассматривает причины этой ностальгии. Рассматривает тезис о том, что синдром ностальгии по времени Советского Союза строится прежде всего на реконструкции романтизированных символов и мифологизации советской культуры.

Ключевые слова: поколение; концепции поколений; личностные особенности поколения; ценностные установки; ностальгия; мифологизация.

Ностальгия по советскому прошлому до сих пор живет во многих россиянах и представителях бывших союзных республик, но в последние годы к новой волне теплых воспоминаний о том, что «тогда было лучше», присоединились даже те, кто никогда в советском прошлом не жил.

Со страниц журналов, с экранов телевизоров, из многочисленных социальных сетей и вездесущих блогов всё чаще звучат ностальгические нотки по ушедшему строю. Количество подобного контента зашкаливает. Телевизионные проекты на эту тему варьируются от развлекательно-познавательных программ до полноценных документальных циклов. Неослабевающий интерес телевизионных сценаристов и редакторов к тематике советского прошлого прежде всего можно объяснить отражением настроений современного российского общества, которое находится в процессе затянувшегося прощания с ценностями уходящей эпохи. Развлекательные передачи делают упор на что-то приятное, «родное», знакомое с малых лет, предлагая тем, кто в сознательном возрасте эту эпоху не застал, в том числе красивые и милые ностальгические картинки, этакий «запах прекрасного детства». Количество передач на советскую тематику, идущих на современном ТВ, перечислять можно долго: цикл передач «Намедни. Наша эра. 1961–1991» Леонида Парфенова; цикл «Сделано в СССР», идущий под лозунгом «Эстетика советской эпохи: чем жили и о чем мечтали в СССР!»; передача «Рожденные в СССР», в прямой эфир которой приходят знаменитые и успешные люди той эпохи, а ведущий строит диалоги так, чтобы заретушировать негативное отношение героев к советскому периоду и подчеркнуть их неотъемлемую принадлежность к «союзу нерушимому», и т. д.

Но кто формирует запрос на этот контент? Как правило, не только те, кто этот период пережил. И даже не их дети. В аудитории подобных проектов всё больше возрастает доля «внуков перестройки», так называемого «Поколения Z». Согласно адаптированной Теории поколений Хоува и Штрауса, к «зетам» в России относятся дети, рожденные в 2000 году и позднее. Этому поколению за подобным контентом даже не нужно уже идти к телевизору: социальные сети переполнены группами со сделанными как под копирку названиями: «СССР. Вспомнить всё» (757 332 подписчиков в социальной сети «ВКонтакте»), «СССР – вспомним лучшее» (570 173 подписчика в социальной сети «ВКонтакте»), «СССР: Ностальжи –

* Елена Владимировна Шлегель, аспирант направления «Философия, этика и религиоведение» АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: shleg-elena@yandex.ru

как это было» (327 973 подписчика в социальной сети «ВКонтакте»). Целевая аудитория этих сообществ – в основном люди в возрасте от 12 до 35 лет. Напомним: Советского Союза не стало 28 лет назад. Вот одно из описаний подобных групп, которые выставляют сами организаторы: «Эта группа для тех, кому есть, что вспомнить... Эта группа – ностальгия, дающая возможность увидеть всем желающим то, чем жили рожденные в СССР, что окружало их в детстве, юности... Как мало нам надо было для счастья!» [4].

Сегодня действительно можно говорить о целом поколении, выросшем вне социокультурных реалий советского времени. И новое поколение воспринимает эпоху Союза несколько мифологически и, если мы говорим о понимании исторических реалий, весьма поверхностно. Хотя надо отметить, что и старшее поколение иногда несколько романтизирует ушедший строй. Исследователь М. В. Петрова пишет: «...надо признать, что для большей части населения России советская действительность актуальна и поныне своим очень личным набором воспоминаний, в которых все, как правило, ярче, вкуснее, оригинальнее, душевнее... И дело даже не в банальном, что тогда были молоды, задорны и полны надежд, а в том, что, при всех сложностях существования в тоталитарном режиме, в Советском Союзе было что-то, что безвозвратно утеряно в современной действительности, аналога этому так и не найдено до сих пор. Именно это чувство безвозвратной потери и породило все чаще звучащую на современном телевидении тему, которая позиционируется как ностальгия по времени СССР» [13, с. 51].

Философы, социологи и культурологи, исследуя природу ностальгии, охватившей постсоветское пространство, пытаются объяснить природу этих переживаний. С. Бойм определяет ностальгию следующим образом: «Ностальгия (от греч. *nostos* – возвращение домой, и *algia* – тоска) – это тоска по дому, которого больше нет, или, может быть, никогда не было» [1]. Современная ностальгия понимается учеными не столько как тоска по утерянной реальности, сколько как сознательная миграция в прошлое, основанная на отказе от действительности. Именно события настоящего времени, невозможность понять и согласиться с существующим миропорядком, отсутствие важных для себя ценностей заставляют человека в поисках главных жизненных смыслов обратиться к прошлому [6, с. 327].

Если обратиться к статистическим данным, то, согласно опубликованному в декабре 2018 года опросу «Левада-центра», две трети россиян сожалеют о распаде СССР. Специалисты утверждают, что это – 66 % – самый высокий показатель за десять лет. Тренд на усиление ностальгии по Советскому Союзу становится все заметнее – в 2018 году доля «сожалеющих» в 2,5 раза превысила тех, кто не скучает по советским временам. Рост числа ностальгирующих за истекший год зафиксирован во всех возрастных группах, включая молодежь в возрасте от 18 до 24 лет. Если рассмотреть иерархию причин, которыми респонденты характеризуют свои сожаления о распаде СССР, то можно увидеть весьма интересную картину. Каждый второй (52 процента) считает, что была «разрушена единая экономическая система». Каждый третий (36 процентов) объясняет свою ностальгию потерей «чувства принадлежности к великой державе», еще 31 процент – возросшим недоверием и жесточенностью в обществе. За прошедший год с 52 до 60 процентов выросло число тех, кто считает, что Советский Союз «можно было сохранить» [12].

Иными словами, со взрослыми всё понятно, но почему современные подростки грезят идеальным образом Советского Союза, при этом весьма критично оценивая окружающую их действительность? Ответ, с одной стороны, весьма прост: тот романтический образ великой страны, где всё сделано для человека, формируется у них под влиянием рассказов их родителей, которые застали СССР исклю-

чительно детьми. А детские воспоминания – они всегда самые светлые и радужные. Пирожок – 5 копеек, лимонад – 10 копеек, пломбир – 15 копеек, и можно весь день гулять на улице. А сколько замечательных фильмов и книг, идеализирующих сам строй и живущих в нем людей, до сих пор греют нам душу. Советское кино рисовало миф – практически совершенный мир, стать частью которого ты обязательно захочешь, если обладаешь хоть немного тягой к светлому и прекрасному. «Зеты» готовы к эмпатическому погружению в ностальгию по советскому прошлому, хотя это даже не связано с их личными воспоминаниями. Их привлекает винтажный дух эпохи. Одним из самых модных современных трендов стало возвращение к ретро: виниловые пластинки, валенки (правда, украшенные стразами), джинсы с высокой посадкой – за всё это подростки готовы порой отдать львиную долю своих накоплений. Но только ли в идеалистически нарисованных картинках скрыта причина странной ностальгии по СССР «цифровых аборигенов»? Казалось бы, наоборот: подростки редко воспринимают то, что говорят и навязывают им старшие, как правило встречая многое в штыки, отрицая и высмеивая. Возможно, тут дело в чем-то ином: потребительский образ жизни (один из основных маркеров нового поколения, по мнению целого ряда исследователей) к 15–20 годам делает большую часть современной молодежи уже несколько пресыщенной материальными ценностями, и она обращается к ценностям иного характера. Современные исследования говорят о том, что Поколение Z в целом активнее в общественном плане, чем его предшественники. Представители цифровой эпохи выходят на протесты и митинги, создают успешные каналы коммуникации, в которых обмениваются идеями и пропагандируют свои идеалы, участвуют в волонтерских движениях и т. д. Можно согласиться с Е. Джанджугазовой, которая констатирует, что «у нынешнего молодого поколения есть четкий запрос на социальную справедливость и желание жить в самостоятельной, великой стране, а это невозможно без солидарности поколений и отождествления сегодняшней России с Советским Союзом» [7, с. 51].

Через 10–15 лет представители цифрового поколения станут основными игроками на политической арене, активными общественными деятелями и законодателями культурных трендов. В связи с вышеизложенными мыслями возникает вопрос: не захотят ли очарованные романизированными советскими образами и реалиями нынешние подростки построить в современном им обществе новый прообраз ушедшей эпохи? Леонид Парфенов дал очень интересную характеристику периоду первого десятилетия нового века: «Мы живем в эпоху ренессанса советской античности. В 90-е годы нам казалось, что все советское ушло, и чем дальше, тем меньше его будет в нашей жизни... Советское никуда не ушло, оно оказалось матрицей, на которую наложилась новая реальность» [8]. Наложится ли советская матрица на тот политический и общественный строй, который будут формировать сегодняшние «зеты»? Полагаем, что всё же нет. Ибо разрыв в мировоззрении и ценностях нового поколения даже с ближайшим к нему «Поколением Y» слишком велик. Что уж говорить о «Поколении X»: тяжело представить, что индивидуализм «зетов» может уступить место идеям коллективизма. Давайте постараемся проанализировать ценности «зетов» и так называемого «Поколения семидесятников», как «наиболее “типичного” советского поколения».

Каким был советский семидесятник? Одна из главных ценностей советского человека того периода – приверженность идеологии. Коммунизм предполагал приоритет общественных ценностей над индивидуальными. Конечно, «оттепель» внесла свои коррективы в видение социализма, появилась надежда на «социализм с человеческим лицом». Огромный советский коллектив, где все одинаковы и равны, заменяется коллективами «своих», дружескими неформальными объединениями [10, с. 136]. Но, тем не менее, в приоритете всё равно «мы», а не «я». Что

мы видим у современных «зетов»? Практически, чистой волны индивидуализм. К примеру, исследования А. В. Гавриловой четко показывают, что новое поколение имеет тип ментальности, «которому присущи такие социально-психологические характеристики, как независимость от группы, нестабильность, индивидуализм. Респонденты охарактеризовали свое поколение индивидуалистичным, разобщенным, самостоятельным...» [2, с. 61].

Если продолжать говорить о ценностях духовных, то 70-е – это в том числе культ образования и знаний и почти всеобщий (особенно среди молодежи) атеизм. В книге Б. Грушина «Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения» респонденты «из советской эпохи» в своих приоритетах во многом отдают предпочтение образованию. На вопрос «Что Вы должны сделать для достижения своей цели (в жизни)?», 63 % ответили «образование», поставив «упорный труд» существенно ниже (29 %) [5]. Как относятся к необходимости высшего образования представители «цифрового поколения»? Зачастую вопросом «А зачем сейчас высшее образование?». Молодежь начала 2000-х в большинстве своем считает 4 года (или 5 лет) обучения в вузе «просиживанием штанов». Ибо с помощью цифровых технологий практически всю информацию, необходимую для получения тех или иных компетенций, можно получить напрямую из всезнающей Сети. Практика – это да, практика нужна. Но для этого есть невероятное количество всяческих курсов повышений квалификаций, онлайн-тренингов и т. д. Можно ли раньше было предположить, что высшее образование можно получить дистанционно? В 2019 году один из достаточно популярных у молодежи вузов – университет «Синергия» – набрал на дистанционное обучение (!) 95 000 человек. Для сравнения – в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (одном из крупнейших федеральных вузов) в год обучаются около 35 000 человек (на всех формах обучения).

Нельзя не сказать еще об одной ценности советского человека – ценности семьи, одной из высших моральных ценностей общества. Сожительства и другие суррогатные формы брака, конечно, в 70-х имели место, но всё-таки традиционная форма семьи, в которой одновременно уважительно сосуществуют представители двух, а то и трех поколений (бабушки/дедушки, мамы/папы и дети), передавая друг другу опыт, традиции и ценностные жизненные ориентиры, преобладала. Представление же «цифрового поколения» о семье дают основания говорить о грядущей тенденции кардинальной трансформации этого социального института. Результаты сразу нескольких современных исследований говорят о том, что брак и семья больше не являются одной из приоритетных ценностей молодежи. На первый план всё чаще выходят материальное благополучие, профессиональное развитие и личные достижения. Один из ярких «свежих» примеров: немалая часть современных девушек убеждена в том, что возможность карьерного роста может компенсировать неблагоприятное супружество [9, с. 51]. Претерпевает изменение и традиционное распределение гендерных ролей в браке. Лидирующую позицию всё чаще занимают представительницы когда-то «слабого пола». Сегодня легко можно встретить не просто так называемые «гражданские браки», но и «семьи выходного дня». Статистика по разводам также зашкаливает (по данным Росстата, в 2018 году на 863 039 заключенных в РФ браков пришлось 583 942 разводов – это 68 %). Есть мнение, что ухудшается не только количество семей, но и их, если позволите, качество. Всё реже люди собираются за одним семейным столом, семейный круг уступает место коллективному общению в Скайпе или созданию семейного чата в Телеграме или Вайбере, куда и стекаются все новости, события, фотографии членов семьи, где происходит обсуждение важных вопросов и проблем. Семейные посиделки переходят в онлайн, коммуникативная дистанция между поколениями увеличивается, и цепочка передачи опыта прерывается.

Есть еще целый ряд ценностей, которые ставят между этими двумя поколениями такие «пограничные столбы непонимания», через которые очень трудно перейти: «клиповое сознание» у «зетов» против основательности их предшественников, культ потребительства против бытовой неприхотливости, инфантилизация против ответственности «за себя и за других» и так далее. Семидесятники были покорены духом романтизма, «зеты» же чистые реалисты; первые стремились к материальным ценностям, но не ставили их во главу угла, а потребительский образ жизни вторых становится чуть не главным маркером поколения. Но нельзя не отметить и часть сходных черт.

Объединяющий фактор советских «семидесятников» и современных «зетов» – это готовность к изменениям, к веянию нового. «Мы ждем перемен!» – эта фраза в равной степени может относиться и к тем и к другим. Сорок-пятьдесят лет назад диссидентское движение, оппозиция, «открыто не провозглашая своего несогласия с официальной линией партии, в действительности жила, творила, действовала без оглядки на партийные установки. Причем творчество носило “домашний”, “кухонный” характер. Многие творческие личности не могли презентовать свои творения, входить в официальные творческие союзы. Но, как позже отмечали многие художники и поэты того времени (Э. Булатов, В. Немухин, И. Кабаков и др.), при внешней цензуре они ощущали необыкновенную свободу творчества и самовыражения» [11, с. 405]. «Зеты» на 100 % открыты переменам, они устремлены в будущее, своевольны и не доверяют власти и авторитетам. Правда, на кухнях уже не ютятся. У них есть великолепная альтернатива – Всемирная паутина.

Обоим поколениям также свойственны протестные настроения, наличие ярких субкультур – в субкультурах, кстати, проявляется схожий с ценностями «зетов» дух индивидуализма и у старшего поколения (вспоминаем стилинг и смотрим на современных хипстеров – похожи, не правда ли?), предпринимательская жилка (а как еще можно было достать вещи в Союзе, «хочешь жить – умей вертеться»), а также ценность возможности выбора, ценность свободы и демократии.

Конечно, ценности у каждого поколения свои, это не вызывает сомнений, и изменение этих ценностей от поколения к поколению вполне закономерно и логично. Но вот способ трансляции этих ценностей изменился, увеличился поколенческий разрыв, обострилась проблема преемственности, проблема передачи традиций. Можно согласиться с Г. Гадамером, который говорит, что традиция – это не воспроизведение прошлого, а связь прошлого с настоящим. Говоря о герменевтике и традициях, Гадамер упоминает «строительство мостов через человеческую или историческую пропасть между духом и духом» [3, с. 61]. Нельзя сказать, что мосты между поколениями сейчас разрушены, но вот тот факт, что их всё чаще перестают «ремонтировать» и строить новые, сомнению не подлежит. Почему же при всех различиях молодое поколение всё чаще смотрит назад, на своих предшественников и пытается романтизировать и культивировать (зачастую искусственно) ценности и образ жизни советского периода? Запрос всегда идет от настоящего. Возможно, это результат общего роста неуверенности в завтрашнем дне и неудовлетворенности жизнью, которые наметились у молодежи и обострились после последних общественно-политических событий в стране (экономические проблемы, санкции, принятие непопулярной пенсионной реформы, сокращение реальных доходов населения, ряд законопроектов, направленных на усиление контроля за деятельностью в Интернете, принятие «пакета Яровой», ситуация с выборами в Мосгордуму, так активно транслируемая во всех социальных сетях, и т. д.). Так возможно ли, что нынешние подростки захотят сконструировать в возводимом ими обществе некий ремейк советской эпохи? Полагаем, что всё-таки нет. Несмотря на то что история – это своего рода колесо и многое в периодах человеческого существования идет по кругу, повторение тех же самых реалий (даже

приближенных) невозможно. Новое поколение с его ценностями, его ментальностью и жадой свободы никогда не пойдет на серьезное возвращение эпохи социализма. Та ностальгия, которую испытывают «зеты», – это всего-навсего ностальгия по культурному мифу, ностальгия, вызванная хорошими и добрыми воспоминаниями родителей об их детстве, ностальгия, истоки которой – в прекрасных романтизированных историях о «светлом прошлом» из книг и фильмов. Но никак не ностальгия по настоящим советским реалиям.

Человек по природе своей не любит пребывать в шаткой системе, нам подсознательно хочется стабильности. «Завтра будет лучше, чем вчера» – в это мы хотим и готовы верить. А если в какой-то момент возникают сомнения, что впереди всё хорошо, мы оглядываемся назад и «вспоминаем», «как хорошо было там». Поэтому «ностальгия по непрожитому» у поколения Z вполне понятна и объяснима. «Золотой век» вновь перемещается из будущего в прошлое.

Литература

1. Бойм С. Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: случай Ильи Кабакова // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 5 (39). – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/1999/5/konecz-nostalgii.html>
2. Гаврилова А. В. Социально-психологические особенности ментальности «нового поколения» // Вестник Удмуртского университета. Серия : Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Т. 26, № 2. – С. 58–63.
3. Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. – М. : Искусство, 1991. – 368 с.
4. Группа «Мы из СССР – вспомним лучшее» [Электронный ресурс] // ВКонтакте : социальная сеть. – URL: https://vk.com/petro_ccsr
5. Грушин Б. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 1-я: Эпоха Хрущева. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 619 с.
6. Даутова Р. В. Феномен ностальгии на российском телевидении // Гуманизация информационного пространства в контексте диалога культур : материалы Междунар. научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения первого декана факультета журналистики Казанского университета Ф. Агзамова. – Казань : Казанский ун-т, 2016. – С. 327–335.
7. Джанджугазова Е. Бытовая романтика СССР: «старые-новые бренды» // Российские регионы: взгляд в будущее. – 2016. – Т. 3, № 4. – С. 50–63.
8. Лекция за 5 минут: Леонид Парфёнов о ренессансе советской античности [Электронный ресурс] // Theory & practice. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8103-parfenov>
9. Маленова А. Ю., Самойленкова А. В. Представления о брачно-семейных отношениях студенческой молодежи: социально-психологические риски и ресурсы // Вестник Омского университета. Серия : Психология. – 2014. – № 1. – С. 43–51.
10. Мясникова Л. А., Шайгарданова Н. Л. Советский Эдем : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 209 с.
11. Мясникова Л. А. Трансформация ценностей российского человека от советского к постсоветскому // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 6. – С. 403–407.
12. Ностальгия по СССР [Электронный ресурс] : пресс-выпуск // Левада-центр. – 2018. – 19 декабря. – URL: <http://www.levada.ru/2018/12/19/nostalgia-po-sssr-2/>
13. Петрова М. В. Культурный феномен ностальгии по СССР на российском телевидении // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – Т. 1, № 1. – С. 51–55.

Elena Vladimirovna Shlegel,

Postgraduate Student in Philosophy, Ethics and Religious Studies,
Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

**Nostalgia for the unlived: the attractiveness
of the myth of the Soviet past for Generation Z**

The article deals with the phenomenon of nostalgia for the Soviet past among Russians including those who caught the Soviet past, and those who were born after the collapse of the USSR, – special attention is paid to Generation Z. The author compares the values of the Soviet man and the representative of the "digital generation" and examines in detail the reasons for this nostalgia. The author considers the thesis that the syndrome of nostalgia for the time of the Soviet Union is built primarily on the reconstruction of the romanticized symbols and mythologization of the Soviet culture.

Key words: generation; concepts of generations; personal features of generation; value installations; nostalgia; mythologizing.